

ДРЕВНІЙ БУЛГАРЪ

И

ТАТАРСКІЯ О НЕМЪ ПРЕДАНІЯ.

I.

Въ концѣ іюля 1887 го года я совершилъ поѣзду въ историческое село Болгары, знаменитое по существующимъ въ немъ развалинамъ древней столицы Волжскихъ Булгаръ.

Было прекрасное утро въ понедѣльникъ 27-го іюля,—день, въ который я отплылъ отъ казанской пристани на самолетскомъ пароходѣ „Императрица“. Я пустился въ путь одинъ, полный нетерпѣнія увидѣть, впервые въ своей жизни, знаменитыя руины, надъ которыми пронеслось уже шесть съ половиною вѣковъ... Мысленно я уносился въ тѣ далекіе вѣка, когда на берегахъ, мимо которыхъ проходилъ нашъ пароходъ, вмѣсто креста—виднѣлся мусульманскій полумѣсяцъ, когда здѣсь почти не слышно было славянской рѣчи, когда по этимъ волнамъ неслись, какъ лебеди, только небольшія парусныя суда, нагруженныя всякимъ восточнымъ товаромъ,—неслись подъ вѣчнымъ стра-

хомъ внезапнаго нападенія отважнаго ушкуйника.

Пароходъ быстро уносилъ насъ внизъ по теченію рѣки, держась высокаго нагорнаго берега, на которомъ тамъ и сямъ красиво рисовались сельскія церкви, окруженныя рощами, своей бѣлизной далеко не гармонирующія съ сѣрыми, безпорядочно разбросанными, крестьянскими избами. Черезъ три часа плаванія «Императрица» сдѣлала на рѣкѣ большой оборотъ, причаливъ къ Богородской пристани. Прошло какихъ-нибудь пять минутъ—и мы уже снова несемся внизъ по Волгѣ, постепенно поворачивая на юго-востокъ.

Вотъ и устье многоводной, но угрюмой Камы, составляющей рѣзкій контрастъ съ полною жизни и кипучей дѣятельности Волгою. Теперь трудно было сказать, по какой водѣ—волжской или камской плывемъ мы: такъ широка дѣлается вдругъ Волга, принявъ въ себя огромную массу уральскихъ водъ! Любо смотрѣть на это широкое раздолье рѣки, плавно несущей свои воды среди золотистыхъ нивъ, по мѣрѣ удаленія къ югу все больше и больше разступающихся предъ могучею царицею русскихъ рѣкъ, на волнахъ которой видишь столько жизни и движенія... Подъ обаяніемъ этой чудной, полной поэзіи, картины,—которую намъ, жителямъ далекаго и пустыннаго сѣвера, приходится

видѣть рѣдко,—я уже забылъ на время и старый мусульманскій міръ, весь отдавшись современному, національно-русскому, зрѣлищу.

Но скоро пароходный свистокъ прервалъ мое наслажденіе: «Императрица» дѣлала уже свой обычный оборотъ по рѣкѣ и скоро причалила къ «Березовой Гривѣ»,—пристани города Спасска, именуемой иначе „Спасскимъ затономъ“. Здѣсь, послѣ 4¹/₂ часовъ самаго пріятнаго плаванія—мнѣ пришлось снова вступить на сушу.

Простившись съ ѣхавшими изъ Нижняго и случайно встрѣченными на пароходѣ двумя добрыми спутниками, изъ которыхъ одинъ былъ мой старый университетскій товарищъ, а другой—юный ученикъ, я остался одинъ, среди скучившихся на берегу спасскихъ ямщиковъ. Подрядивъ одного изъ нихъ, я сѣлъ въ плетенку и поѣхалъ, по дуговому берегу Волги, къ цѣли моего путешествія. Ёхать предстояло верстъ десять,—а нетерпѣніе мое возрастало съ каждой минутой. Ямщикъ оказался словоохотливымъ малымъ, неумолчно болтавшимъ всю дорогу. Въ теченіи часа онъ познакомилъ меня, какъ умѣлъ, и съ болгарскими достопримѣчательностями, и со спасскими «господами», и съ своимъ домашнимъ хозяйствомъ, и со зломъ, проистекающимъ отъ булака и кабака, хотя самъ, какъ оказалось,

былъ вовсе не изъ враговъ хлѣбно-спиртнаго напитка и т. д.

Но вотъ на горѣ показался большой бѣлый столпъ „Малаго Минарета“, а въ сторонѣ отъ него—сельская церковь. Теперь я уже не отрывалъ глазъ отъ этой перспективы и не замѣтилъ, какъ мы отклонились отъ Волги въ сторону, верстъ на семь или болѣе. Мы ѣхали по низменности, окаймленной съ юго-востока небольшимъ возвышеніемъ, по которому протекаетъ трактовая дорога изъ Тетюшъ въ Спасскъ, черезъ село Болгары. Чѣмъ ближе въ Болгарамъ, тѣмъ выше становится эта дорога, такъ что самое село расположено на довольно значительной высотѣ надъ уровнемъ Волги, удаленной отъ него къ сѣверо-западу верстъ на 10 или около того. Ямщикъ, обративъ мое вниманіе на отлогую низменность, представляющую постепенную покатость къ Волгѣ, замѣтилъ, что мы ѣдемъ по старому руслу рѣки. На мой вопросъ,—почему онъ такъ думаетъ,—онъ сказалъ, что «это извѣстно имъ отъ старыхъ людей, и что не въ одномъ этомъ мѣстѣ Волга измѣнила свое теченіе». Самое устье Камы, по его словамъ, встарину было «маленько ниже нынѣшняго» по теченію Волги, причемъ старое ея устье узнаютъ и теперь по „старицѣ“. Привожу это преданіе, какъ представляющее археологическій интересъ. Ученые, какъ извѣстно, рас-

ходятся во мнѣніяхъ о старомъ руслѣ Волги у Болгаръ.

Наконецъ, въ 3½ часа пополудни, мы достигли историческаго села, гдѣ я остановился у одного крестьянина, рядомъ съ домомъ мѣстнаго священника, близъ самой Успенской церкви.

Освѣдомившись прежде всего о томъ, дома ли мѣстный батюшка, и получивъ, къ сожалѣнію, отрицательный отвѣтъ, — я послалъ за церковнымъ сторожемъ, пожелавъ сперва увидѣть церковь. По приходѣ сторожа, я, вмѣстѣ съ нимъ и съ хозяиномъ моей квартиры, отправились смотрѣть мѣстныя достопримѣчательности. При дальнѣйшемъ осмотрѣ къ намъ присоединились еще какія-то двѣ женщины, сначала безмолвно, но съ любопытствомъ поглядывавшія на прїѣзжаго, а послѣ принявшія весьма дѣятельное участіе въ разсказахъ моихъ путеводителей о болгарскихъ древностяхъ и кладонскателяхъ, къ которымъ онѣ относятъ, повидимому, и всѣхъ насъ, любознательныхъ туристовъ. Имя казанскаго археолога А. Θ. Лихачева, обладателя богатѣйшей коллекціи болгарскихъ древностей, пользуется у нихъ всеобщей почетной извѣстностью. Упоминали еще о какомъ-то скупщикѣ старинныхъ находокъ, Глинскомъ, предлагая зайти къ нему, — отъ чего я однако же отказался, будучи предупрежденъ ими же, не совсѣмъ лестною и осторожною, рекомендаціею.

II.

Бѣдную картину представляет собою село Болгары, съ его деревянными домишками, большею частью крытыми соломой, съ его плохенькою Успенской церковью. Все это—обыкновенные признаки русской деревни, безъ коихъ она и не мыслима. Я не сталъ бы и говорить о нихъ, если-бъ эта современная русская культура не выступала здѣсь рѣзкимъ контрастомъ съ своеобразной картиной восточно-мусульманскихъ построекъ, поражающихъ своей долговѣчной каменной владкой, которую не могли сокрушить до основанія даже шесть слишкомъ столѣтій.

Это сопоставленіе двухъ культуръ наводитъ на многія размышленія. Вотъ христіанскій храмъ, возлѣ котораго, снимая шапку и крестясь, проходитъ русскій крестьянинъ, а рядомъ съ храмомъ—вы видите стоящаго на коленяхъ или распростертаго на землѣ мусульманина, тихо шепчущаго свою молитву и взывающаго къ Аллаху и его пророку... Какое близкое и въ то же время совершенно мирное, полное взаимнаго уваженія, сосѣдство двухъ народностей и двухъ религій!

Постоянные жители села—русскіе, но поклонники Магомета то и дѣло пріѣзжаютъ сюда для молитвъ на священныхъ мѣстахъ, на которыхъ высились когда-то мечети и стройные минареты,